

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Прошлое, настоящее и будущее классового общества (попытка нетрадиционной оценки)

В.Л. Иноземцев, доктор экономических наук

Какова роль класса интеллектуалов, появляющегося в постиндустриальном обществе? Кто составляет этот класс? В чем состоят особенности этой социальной группы? Каковы классовые интересы интеллектуалов? Что такое интеллектуальный капитал и неособственность, и могут ли они наследоваться? В чем состоят постматериальные ценности, и кто их исповедует? Какова разница между интеллектуалами и интеллигенцией? Справедливо ли утверждение, что информация есть самый демократичный источник власти?

Возможный план беседы:

- 1) Предпосылки появления класса интеллектуалов в постиндустриальном обществе (понятие постиндустриального общества);
- 2) Различие между классом интеллектуалов и интеллигенцией
- 3) Особенности класса интеллектуалов (условия принадлежности, классовые интересы, постматериальные ценности)
- 4) Информация – самый демократичный источник власти? («доступ к информации не означает обладания ею»; бесперспективность классовой борьбы («условием принадлежности к господствующему классу становится не право распоряжаться благом, а способность им воспользоваться»))

С усложнением всего комплекса социальных отношений в постиндустриальном обществе, формирующемся в развитых странах, существенно усложняется и классовая структура; она приобретает новое измерение, поскольку знания и информация превращаются в важнейший ресурс производства, а основой отнесения людей к господствующему классу становятся контроль над этим ресурсом и возможность распоряжаться им. Сегодня вряд ли можно отрицать тот факт, что среди многочисленных социальных групп, на протяжении последних десятилетий существующих в обществе раннего постиндустриализма, особое значение приобретает группа, именуемая в западной обществоведческой теории knowledge-class, а российскими учеными названная классом интеллектуалов.

С каждым новым этапом технологической революции "класс интеллектуалов" обретает все большую власть и перераспределяет в свою пользу все большую часть общественного богатства. В формирующейся новой хозяйственной системе процесс самовозрастания стоимости информационных благ оказывается в значительной мере оторванным от материального производства. В результате "класс интеллектуалов" оказывается зависимым от всех других слоев общества в гораздо меньшей степени, чем господствующие классы феодального или буржуазного обществ были зависимы от деятельности эксплуатировавшихся ими крестьян или

Прошлое, настоящее и будущее классового общества (попытка нетрадиционной оценки)

**В.Л. Иноземцев, доктор
экономических наук**

Какова роль класса интеллектуалов, появляющегося в постиндустриальном обществе? Кто составляет этот класс? В чем состоят особенности этой социальной группы? Каковы классовые интересы интеллектуалов? Что такое интеллектуальный капитал и

неособственность, и могут ли они наследоваться? В чем состоят постматериальные ценности, и кто их исповедует? Какова разница между интеллектуалами и интеллигенцией? Справедливо ли утверждение, что информация есть самый демократичный источник власти?

Возможный план беседы:

1) Предпосылки появления класса интеллектуалов в постиндустриальном обществе (понятие постиндустриального общества);

2) Различие между классом интеллектуалов и интеллигенцией

3) Особенности класса интеллектуалов (условия принадлежности, классовые интересы, постматериальные ценности)

4) Информация — самый демократичный источник власти? («доступ к информации не означает обладания ею»; бесперспективность классовой борьбы («условием принадлежности к господствующему классу становится не право распоряжаться благом, а способность им воспользоваться»))

С усложнением всего комплекса социальных отношений в постиндустриальном обществе, формирующемся в развитых странах, существенно усложняется и классовая структура; она приобретает новое измерение, поскольку знания и информация превращаются в важнейший ресурс производства, а основой отнесения людей к господствующему классу становятся контроль над этим ресурсом и возможность распоряжаться им. Сегодня вряд ли можно отрицать тот факт, что среди многочисленных социальных групп, на протяжении последних

десятилетий существующих в обществе раннего постиндустриализма, особое значение приобретает группа, именуемая в западной обществоведческой теории knowledge-class, а российскими учеными названная классом интеллектуалов.

С каждым новым этапом технологической революции "класс интеллектуалов" обретает все большую власть и перераспределяет в свою пользу все большую часть общественного богатства. В формирующейся новой хозяйственной системе процесс

самовозрастания стоимости информационных благ оказывается в значительной мере оторванным от материального производства. В результате "класс интеллектуалов" оказывается зависимым от всех других слоев общества в гораздо меньшей степени, чем господствующие классы феодального или буржуазного обществ были зависимы от деятельности эксплуатировавшихся ими крестьян или пролетариев.

По мере того как "класс интеллектуалов" становится одной из наиболее обеспеченных в материальном отношении

социальных групп современного общества, он все более замыкается в собственных пределах. Высокие доходы его представителей и фактическое отождествление "класса интеллектуалов" с верхушкой современного общества имеют своим следствием то, что выходцы из таких семей с детства усваивают постматериалистические ценности, базирующиеся на уже достигнутом уровне благосостояния. Между тем современные исследования показывают, что, "будучи однажды выбранными, ценности меняются очень редко", и поэтому формирование нового типа

работника становится в определенной мере наследственным, интергенерационным процессом. Как отмечает Р. Ингледарт, "постматериалистами становятся чаще всего те, кто с рождения пользуется всеми материальными благами, чем в значительной степени и объясняется их приход к постматериализму". Это дает возможность говорить не только об устойчивости данной социальной группы, но и о ее способности к самовоспроизводству и самоутверждению в современном обществе.

Таким образом, в развитых обществах образовался слой интеллектуальных работников, которые обладают неотчуждаемой собственностью на информацию и знания, являются равными партнерами собственников средств производства, не эксплуатируемы как класс: их деятельность мотивирована качественно новым образом, причем все эти признаки в известной мере оказываются наследуемыми. Именно поэтому мы говорим не об интеллигенции или размытой совокупности высококвалифицированных работников, а об особом классе,

занимающем доминирующие позиции в постиндустриальном обществе, о классе, интересы которого отличны от интересов иных социальных групп.

С возникновением "класса интеллектуалов" двигателем социального прогресса становятся нематериалистические цели, и та часть социума (его большинство!), которая не способна их усвоить, объективно теряет свою значимость в общественной жизни более, нежели любой иной класс в аграрном или индустриальном обществах. Интеллектуальное

расслоение, достигающее сегодня беспрецедентных масштабов, постепенно становится основой всякого иного социального расслоения, поскольку именно на этом фундаменте практически ненужными для развития производственных процессов оказываются огромные социальные группы, участие которых в общественном производстве было ранее необходимым условием социального прогресса.

Развитие современной экономики, основанной на производстве и использовании знаний, предполагает

формирование нового принципа социальной стратификации, гораздо более жесткой по сравнению со всеми, известными истории. В аграрных обществах власть феодалу над крестьянами давало право рождения, в обществе индустриальном могущество капиталиста основывалось на праве собственности, а влияние государственного служащего определялось его местом в политической системе; все эти статусные факторы не были обусловлены естественными и неустранимыми качествами людей - любой член общества, оказавшись на

месте представителей господствующего класса, мог бы с большим или меньшим успехом выполнять соответствующие социальные функции. Именно поэтому в прежние эпохи классовая борьба могла давать представителям угнетенных общественных групп желаемые результаты.

В современных же условиях не социальный статус служит условием принадлежности человека к элите постиндустриального общества; напротив, сам он формирует в себе качества, делающие его представителем высшей социальной

группы. Широко распространено мнение о том, что информация есть наиболее демократичный источник власти, ибо все имеют к ней доступ, а монополия на нее невозможна: однако важно и то, что информация является и наименее демократичным фактором производства, так как доступ к ней отнюдь не означает обладания ею. В отличие от всех прочих ресурсов информация не характеризуется ни конечностью, ни истощимостью, ни потребляемостью в их традиционном понимании, однако ей присуща избирательность, что, в конечном счете, и наделяет ее владельца властью в

постиндустриальном обществе. Специфические качества самого человека, его мироощущение, психологические характеристики, способность к обобщениям, наконец, память и тому подобное - все то, что называют интеллектом (а он и представляет собой форму существования информации и знаний), служит главным фактором, лимитирующим возможности приобщения к этим ресурсам. Поэтому значимые знания сосредоточены в относительно узком круге людей, социальная роль которых не может быть в современных условиях оспорена ни

при каких обстоятельствах. Впервые в истории условием принадлежности к господствующему классу становится не право распоряжаться благом, а способность им воспользоваться, и последствия этой перемены с каждым годом выглядят все более очевидными.

В.Л. Иноземцев

**Прошрое, настоящее и
будущее классового
общества (попытка
нетрадиционной оценки)**

I. Вступление человечества в новое тысячелетие совпало по времени с началом гигантской социальной трансформации, определенной нами как постэкономическая революция ¹. Это не означает, что на наших глазах рождается качественно новая историческая эпоха, но предполагает, что в течение ближайших десятилетий траектории социального прогресса могут претерпеть существенные изменения.

С незапамятных времен и вплоть до наших дней большинство социальных теорий в той или иной форме признают прогрессивный

характер развития цивилизации, из чего всегда следует очевидный, казалось бы, вывод о приближении к справедливому обществу, к социальной гармонии. Чаще всего мечта об идеальном общественном строе воплощалась в представлении о преодолении классового деления; радикально отличавшихся по своим взглядам мыслителей всегда сближало отношение именно к этой перспективе.

Сторонники коммунистических и социалистических теорий полагали, что основным признаком класса является собственность его представителей на средства

производства² и обосновывали идеи о бесклассовом характере коммунистического общества тем, что его основной принцип выражается в отсутствии частной собственности³. М. Вебер считал, что главным признаком класса служит хозяйственный интерес его представителей⁴, и его нынешние последователи утверждают, что уже сегодня в постиндустриальном мире формируется бесклассовое общество⁵, что классовый характер социума в прежнем его понимании преодолевается по мере снижения роли пролетариата и становления

некапиталистической по своей природе господствующей страны ⁶.

Между тем технологический прогресс, поступательный характер которого прослеживается на любом этапе истории, далеко не всегда и отнюдь не автоматически сопровождался прогрессом социальным. Обретение людьми все новых степеней свободы на основе хозяйственного развития отнюдь не означает движения в направлении общества, базирующегося на равенстве составляющих его граждан. Устранение традиционных классовых различий не означает

становления бесклассового общества
и преодоления возможности
масштабных социальных
конфликтов.

Разворачивающаяся
постэкономическая трансформация
ставит перед исследователями
исключительно сложный вопрос о
том, можно ли называть
формирующиеся новые социальные
группы классами, а их противоречия
- имеющими классовую природу. С
одной стороны, современные
общественные процессы не
порождают нового класса в его
марксистском понимании. С другой -

складывающиеся новые социальные группы радикально отличаются по их функциональным признакам, по ценностным ориентирам, по степени их исторического динамизма и открытости в будущее. Поэтому вопрос о том, являются ли наблюдаемые сегодня процессы качественным изменением классовой структуры общества, остается открытым.

Пытаясь искать на него ответ, мы хотим предложить гипотезу, существенно расходящуюся в основных ее положениях с распространенными в современной

социологии представлениями. Будучи логически непротиворечивой и весьма последовательной, она приводит к выводу о том, что в современном обществе объективно вызревает масштабный классовый конфликт. В своем анализе мы исходим из предельно широкого понимания класса как широкой группы людей, объединенной ценностями и интересами, отличными от ценностей и интересов других общественных групп. Принимая во внимание, что такие ценности и интересы могут иметь как материалистическую, так и нематериалистическую природу,

мы приходим к выводу, что понятие класса равноприменимо как к доэкономической и экономической, так и к постэкономической эпохам социального прогресса ⁷ . В соответствии с этим подходом любое общество является классовым.

Несмотря на кажущуюся парадоксальность этого тезиса, он хорошо служит задачам социологического анализа. Подобный подход не противоречит ни одному из известных утверждений о направленности и ориентирах социального прогресса; он позволяет понять природу

технологического и социального прогресса в рамках антагонистических обществ, исследовать механизм социальной динамики и повышения жизненного уровня людей; он также оставляет вполне логичным представление о том, что в будущем основной целью нематериалистически мотивированной личности может стать наиболее эффективная реализация ее творческого потенциала. Единственный ориентир, достижимость которого отрицает данный подход, - это становление эгалитаристской бесклассовой системы, до сих пор

остающейся предметом иллюзий большинства социологов самых разных направлений.

Исходя из предположения о классовом характере любого общества, которое может стать результатом современной социальной трансформации, можно определить два основных вопроса, которые в ближайшие десятилетия неизбежно будут поставлены перед футурологами самим естественным ходом событий. Первый из них - что окажется основным достоянием высшего класса нового общества? - носит теоретический характер, и его

решение доступно современной социологии. Второй - как в рамках постэкономической системы новые формы классового неравенства могут быть поставлены под контроль и не стать источником опасного социального конфликта? - лишь открывает простор для более или менее обоснованных догадок и предположений. В любом случае предметному рассмотрению каждого из этих вопросов должен предшествовать экскурс в историю классового противостояния. Мы предлагаем взглянуть на нее с несколько нетрадиционной и, как

может показаться, даже отчасти наивной точки зрения.

II. История классового противостояния стара, как сам социум. Даже первобытные племена могут называться сообществами в собственном смысле этого слова только с того момента, когда составлявшие их люди осознали свои материальные интересы, отличные от интересов других людей, тем самым выделив самих себя из массы движимых инстинктами высокоразвитых приматов. Это не могло не породить некую схему соподчинения индивидуальных

интересов и стремлений; разумеется, она в значительной мере базировалась на принципах, почерпнутых людьми того времени из чисто биологических типов организации, и поэтому основой авторитета вождя племени и его власти было естественное стремление соплеменников к выживанию. Будучи по преимуществу инстинктивным, в абсолютно враждебной человеку природной среде оно не могло реализоваться вне пределов архаической первобытной общины. В таких условиях власть вождя, что весьма знаменательно, определялась его опытом, умениями

и знаниями, без которых общине было бы гораздо труднее выживать в борьбе за собственное существование.

Первые общества, традиционно рассматриваемые как классовые, возникли в форме гипертрофированной общины в ответ на необходимость совместного ведения хозяйства. В новых условиях власть вождя, государя или императора распространялась на столь большое сообщество, что ее сохранению должна была служить сформировавшаяся эволюционным образом многоступенчатая

социальная система, предусматривавшая уже не непосредственную необходимость подчинения вождю, а традицию подобного подчинения, уходящую далеко в прошлое. Весьма характерно, что первоначально возникшие классовые структуры нередко и зачастую не вполне осознанно обозначаются философами и социологами как традиционные общества. При этом нельзя не отметить, что под такое определение подпадают также системы, где властная традиция тесно переплеталась с другой традицией, самой мощной из

известных истории - религиозной. Между тем налицо феноменальный факт: во всех обществах, где верховный вождь воспринимался как воплощение божества, классовая структура в традиционном ее понимании отсутствовала, и основное противостояние проходило не между господствующим и подавленным классами, а между властителем и его народом. Этот факт был настолько очевидным уже для историков эпохи Просвещения, что впоследствии никто (кроме советских марксистов) не пытался объединить азиатские монархии, египетскую империю, сообщества

доколумбовой Америки и греко-римскую цивилизацию в единый тип производства.

На смену этим обществам (в пределах Восточного Средиземноморья) или в качестве развивавшихся параллельно с ними пришли социальные системы, весьма неслучайно названные в период позднего Средневековья обществами классической древности. Нетрудно догадаться, что классического было обнаружено в древности средневековыми владыками: то была, разумеется, военная машина, которая водрузила сначала знамена

македонской армии, а затем и орлы римских легионов на индийской границе. Военный характер социальной организации проявился в античном обществе как никогда прежде и никогда впоследствии. Фактически все свободные граждане могли исполнять воинские обязанности, огромные массы насильственно удерживаемых и принуждаемых к труду рабов населяли Средиземноморье, государство могло развиваться и даже поддерживать себя в глазах граждан только через территориальную экспансию, в результате чего границы империи

включали в себя территории, между которыми не только не существовало значимых хозяйственных связей, но в пределах каждой из которых (что подтверждается примером вполне динамичного развития частного производства в греческих полисах и колониях) нельзя было найти никаких серьезных предпосылок для скоординированной деятельности больших масс людей.

В отличие от античных империй, новые социальные структуры европейского Средневековья продемонстрировали полную неспособность сохранить прежний

порядок. Хорошо известно, что первые короли готов стремились не разрушить Римскую империю, а лишь стать ее властителями; между тем в период распада римского государства в хозяйственном базисе общества произошли такие перемены, которые сделали сохранение прежних социальных форм невозможным и резко понизили роль и значение военного фактора в целом. Родились отдельные государства, которые по аналогии с национальными государствами Нового времени и городами-государствами Античности можно назвать территориальными

государствами, общность населения которых достаточно естественным образом определялась совокупностью хозяйственных, этнических и культурных факторов. В новых условиях возникла система, характерным элементом которой стала существенная хозяйственная свобода; в рамках этой системы сформировалась целая "лестница суверенитетов", возникли территории и города, не подчинявшиеся верховным правителям, их власть в значительной мере делегировалась снизу и поддерживалась лояльностью их вассалов. И так же,

как оказались правы мыслители Средневековья, говоря об античном строе как о периоде классической древности, не ошибся и К. Маркс, когда, размышляя о буржуазной революции, ознаменовавшей исторический предел этого строя, назвал ее политической революцией, завершающей историю политического общества.

Социальная система, сменившая политическое общество, оказалась основана прежде всего на доминировании чисто хозяйственной необходимости. Технологический прогресс, источником которого стали

возросшая свобода человека и новая
(в связи этим) роль науки, обеспечил
относительную защищенность
человека от сил природы, он отринул
обычаи и статуты, на которых
базиrowались традиционные
социумы, сделал военную силу
смехотворной по сравнению с
потенциалом, освобождаемым
научно-технической и хозяйственной
экспансией и в полной мере
поставил политическую верхушку
общества на службу финансовому
капиталу. К началу нашего столетия в
развитых странах сформировалось
экономическое общество,
основанное на всеобщей связи

производителей и потребителей посредством рыночного механизма, примате частной собственности, полной хозяйственной и политической свободе личности и эксплуатации, имеющей место в рамках вполне равноправных с юридической точки зрения отношений.

III. Сегодня мы стоим на пороге постэкономической эпохи, отрицающей важнейшие принципы экономического общества. Какие изменения принесет этот переход с точки зрения социальной структуры? Какие тенденции общественного

прогресса получают дальнейшее развитие, а какие останутся в истории? В поиске ответов на эти вопросы рассмотрим три проблемы, каждая из которых решается, как правило, образом, весьма не похожим на тот, что мы попытаемся здесь предложить. Они связаны, во-первых, с тем, какие новые классы приходят на смену предшествующим и каков характер перехода от одного типа классовой структуры к другому, во-вторых, с тем, что именно выступает основным достоянием доминирующего класса, позволяющим ему распространять свою власть на общество; в-третьих,

с тем, в каком направлении эволюционировало на протяжении истории социальное неравенство, какие оно принимало формы и масштабы и какими могут быть соответствующие тенденции в условиях становления постэкономического общества. Но сначала - несколько предварительных замечаний, касающихся движущей силы, определявшей последовательную смену отмеченных выше эпох развития цивилизации.

На наш взгляд, на протяжении всей истории человечества наиболее

очевидно наблюдаемой тенденцией оставался прогресс материальных производительных сил и на его основе - укрепление независимости человека от сил природы. Основной формой проявления этого процесса становилось все более неукротимое доминирование хозяйственных отношений над всеми прочими составляющими социальной системы. За этим процессом, в свою очередь, стояла тенденция ко все более полному осознанию человеком своего материального интереса как детерминирующего его устремления и поступки. Но это фактически тождественно процессу становления

экономического общества. Таким образом, мы считаем возможным утверждать, что вплоть до настоящего времени история классовых обществ представляла собой экспансию экономических сил над факторами, определявшими структуру инстинктивной деятельности, а затем над силами традиции, военными и политическими силами. В этой системе координат экономическое общество возникает там и тогда, где и когда появляется возможность индивидуализированного производства и обмена; соответственно, архаические

общества в полной мере относятся к доэкономической эпохе, классические - к экономической, а традиционные представляют собой промежуточную социальную форму, которая может быть отнесена как к той, так и к другой категории с примерно одинаковой степенью условности. Движение в направлении экономического общества разворачивается, повторим еще раз, под воздействием нарастающей "кристаллизации" материальных интересов человека.

Итак, к высшим формам экономического общества

человечество приходит через смену различных классовых обществ. Какие же основные классы исторически противостояли друг другу и как происходила смена одного типа классового устройства другим?

В данном случае необходимо подчеркнуть два следующих момента.

С одной стороны, налицо существенное различие в характере переходов между отдельными типами общества в пределах доэкономической и экономической

эпох. В первом случае в архаических и традиционных обществах классовая структура развивалась вполне эволюционно, и процесс заключался не столько в поляризации социальных сил, сколько в их сложной сегментации, определявшейся в конечном счете непосредственными потребностями функционирования общества. Оставаясь относительно единым в своей отделенности от высшего класса, общество стратифицировалось в первую очередь функционально. Не делая его бесклассовым, процесс такой стратификации вызывал к жизни

крайне острые противоречия, основанные на монополизации высшими кастами тех видов деятельности, которые были связаны фактически с обслуживанием и поддержанием скреплявшей общество традиции, а также на их колоссальном отрыве от остальной массы. С переходом к экономическому типу общества классовая разделенность стала отчетливой, и профессиональная стратификация сменилась поляризацией социума вокруг двух противостоящих друг другу групп. В новых условиях все прочие различия, существовавшие между людьми,

оказывались гораздо менее значимыми, чем то фундаментальное отличие, которое становилось основой для отнесения человека к тому или иному классу общества.

С другой стороны, переходы от одного типа общества к другому в рамках экономической эпохи обнаруживают весьма интересные закономерности.

Во-первых, нетрудно заметить, что любая социальная трансформация (за исключением перехода от архаического общества к

традиционному, происшедшего, в пределах доэкономической эпохи) характеризовалась тем, что оба основных класса предшествующего общества теряли свою ключевую роль и быстро низводились до статуса малозначительной социальной группы. Так, класс, охранявший устои традиционного общества и включавший в себя аристократию и жреческую касту, фактически не играл определяющей роли в античном обществе, где не нашлось места и угнетаемому в массовом масштабе местному населению. Класс свободных

римских и греческих граждан, доминировавший над несвободным населением, фактически исчез вместе с эпохой Античности, как исчезли и рабы; новыми основными классами стали вожди племен и территорий, с одной стороны, и полузависимые земледельцы, прообразом которых могут считаться римские колонаты - с другой. Еще более очевиден тот факт, что ни политический класс дворян, управлявший европейскими феодальными государствами, ни в течение сотен лет противостоявшее ему крестьянство не играли ключевых ролей в индустриальном

обществе, где основными классами стали буржуа и пролетарии. Таким образом, история классового общества любого типа завершается взаимной гибелью противостоящих классов, и есть все основания предположить, что при переходе к постэкономическому состоянию произойдет то же самое.

Во-вторых, достаточно легко проследить, как с каждым новым этапом развития экономического общества усиливается социальная роль того сословия, которое в конечном счете содержит в себе элементы новой общественной

структуры. Если в античном обществе фактически не существовало значимого "среднего класса", занимавшего промежуточное положение между свободными и несвободными гражданами (колоны стали достаточно многочисленными только в период упадка римского хозяйственного строя), то в средневековом обществе он был представлен весьма широким сообществом ремесленников и купцов, не говоря уже о городском населении, не принадлежавшем непосредственно ни к господствующему, ни к подавленному классу. Наконец, в буржуазном

обществе существуют целые социальные слои, не относящиеся ни к буржуазии, ни к пролетариату, и рост их численности на протяжении одного только последнего столетия представляет собой один из самых динамичных социальных процессов.

В-третьих, на протяжении всей истории экономической эпохи высшая страта становится *de jure* все более достижимой и демократичной, все менее элитарной и закрытой, но в то же время *de facto* оказывается все более узкой и замкнутой. Общность свободных граждан в условиях Античности была

исключительно дифференцирована по имущественному и статусному признаку, но так или иначе она составляла, по крайней мере в центральных районах средиземноморской империи, если не б(ольшую, то весьма значительную часть населения. В средневековой Европе (если брать в качестве примера предреволюционную Францию) дворянское сословие и духовенство составляли не более четырех процентов населения; к ним можно добавить несколько меньшую по численности группу состоятельных буржуа, однако все равно результирующая цифра

окажется на порядок меньшей, нежели в первом случае. Если обратиться к современной ситуации, то можно увидеть, что лишь один процент американцев в конце 80-х гг. имел доход более 120 тыс. дол. в год, но и этот показатель вряд ли может считаться достаточным основанием для отнесения всех достигших такого уровня благосостояния людей к реальному высшему классу постиндустриального общества.

IV. Рассмотрим теперь, обладание каким ресурсом или каким правом обеспечивало представителям господствующего класса их

положение в различных исторических типах общества.

В доэкономических обществах, как мы уже отмечали, важнейшим элементом консолидации оставалась либо непосредственная материальная необходимость, либо сила традиции. В данном случае власть господствующего класса исходила или же непосредственно от роли его представителей как носителей знания, абсолютно необходимого для функционирования общества, или же от исполнения или воплощения ими элементов традиции, скреплявших общество и

наполнявших его существование
неким смыслом.

В социумах, относимых с теми или
иными оговорками к экономической
эпохе, мы наблюдаем иное. В
античных обществах основой
господства свободного класса над
зависимым являлась *par excellence*
военная сила. Более того, внутри
самого привилегированного класса
реальную власть имели, как правило,
лица, занимавшие высокие
должности в военной иерархии.
Весьма неслучайно одной из
основных обязанностей римских
консулов было исполнение роли

главнокомандующих; во времена упадка республиканского строя все диктаторы выходили из среды военных; имперский режим сформировался в гражданских войнах, а впоследствии немалая часть императоров была свергнута или назначена армейской верхушкой. В рамках данного социального порядка денежное богатство скорее следовало из военного успеха, нежели определяло общественный статус *per se*, а земельная собственность не имела основополагающего значения, так как в границах метрополии доминировала формально

находившаяся в общем владении римского народа *ager publicus*, суверенитет же императоров над отдельными провинциями имел скорее номинальное значение. Напротив, рост влияния земельной собственности и образование больших замкнутых владений при одновременном истощении притока рабов и спаде производства в хозяйствах свободных граждан оказались сопряжены с упадком и разрушением античного строя.

В средневековом обществе источником доминирующего положения феодального класса стала

собственность на землю как основной производственный фактор. Делегирование власти от монархов к их вассалам и далее к мелкому дворянству также, что весьма характерно, происходило через жалование прав на земельные владения, аллоды, которые первоначально закреплялись во временное пользование, затем в пожизненное владение, а впоследствии стали наследуемой собственностью. Здесь впервые проявились элементы экономической зависимости низшего класса от господствующей верхушки. В отличие от античного общества,

где в аграрном секторе широко применялся рабский труд, средневековые крестьяне практически не были юридически закрепощены, а изъятие прибавочного продукта происходило не вследствие принадлежности самого раба господину, а в форме земельной ренты, представлявшей собой плату крестьянина за использование принадлежавшего феодалу надела. Фактор земельной собственности определял иерархическую лестницу феодального общества, и место на ней в большинстве случаев либо обуславливалось масштабами

владений того или иного сеньора, либо в конечном счете воплощалось в размерах его собственности. Характерно, что третье сословие вряд ли столь легко разрушило бы феодальный строй, если бы к соответствующему периоду буржуазия и крестьянство не обеспечили свое доминирование в обществе не только в качестве распорядителей денежного богатства, но и в качестве владельцев большей части земельной собственности.

В буржуазном обществе основным фактором принадлежности к

верхушке общества стали
финансовые ресурсы. Образование
подавленного класса пролетариев
произошло вследствие как
обезземеливания крестьян, так и
разорения мелких ремесленников,
труд которых стал неэффективен в
условиях машинного производства.
Установив контроль за финансовыми
потоками, представители
капиталистического класса добились
монополии на большую часть
материальных средств производства,
которые уже не могли (в силу в том
числе и технологических причин)
находиться в собственности
отдельных мелких владельцев.

Несмотря на то, что пролетаризация общества никогда не переходила опасной черты, промышленные рабочие и буржуа, безусловно, оказались двумя основными классами индустриальной эпохи. Следует заметить, что самовозрастание капитала, с одной стороны, требовало значительных первоначальных вложений и, с другой стороны, не могло эффективно происходить фактически ни в одной области, за исключением промышленности и торговли; поэтому класс буржуа не только имел в собственности необходимые условия для контроля над обществом,

но его владение исчерпывало все виды подобных ресурсов.

Что вытекает из приведенного ряда? Проповедуя идею справедливого преобразования общества, все социальные мыслители так или иначе призывали к переустройству социума на основе предоставления больших прав и возможностей тем, кто непосредственно создает материальные богатства: этим проникнуты все утопии от Т. Мора до К. Маркса. Однако труд никогда не главенствовал над миром. Рассмотренные нами типы организации классовых обществ

показывают, почему труд как производственный ресурс не управлял, не управляет и не будет управлять ни одной хозяйственной системой: власть всегда контролировалась владельцами того ресурса, который на каждом этапе исторического прогресса обладал наибольшей редкостью и ограниченностью; предложение же труда всегда было избыточным, сама деятельность - воспроизводимой и повторяемой, а редкость ее - минимальной.

V. В контексте нашего анализа мы приходим к пониманию еще одного

достаточно примечательного момента. Вне зависимости от того, насколько значительной оказывалась прослойка, разделявшая два основных класса того или иного общества, именно она порождала те социальные группы, которые определяли главные стороны общественного противостояния в следующую историческую эпоху. Если рассматривать переход от античного общества к средневековому, можно увидеть, что именно рентные отношения между прикрепленным к земле колоном и землевладельцем, распространившиеся начиная со II в.

н.э. и первоначально не игравшие заметной хозяйственной роли, стали социальной моделью, наиболее близкой к феодальным отношениям. Если оценивать кризис феодального общества, еще более очевидным становится, что и пролетарии, и буржуа вполне сформировались как значимые общественные страты еще в позднем Средневековье, а затем в период перехода к индустриальному обществу лишь закрепились статусно и выросли численно. Отсюда также следует, что возникающее постэкономическое общество (во всяком случае - на этапе его становления) будет

характеризоваться такой социальной структурой, в которой и пролетариат, и современная буржуазия не будут играть доминирующей роли, хотя, безусловно, и сохранятся как отдельные социальные слои. Новое противостояние родится в иной плоскости, основой власти в формирующемся постэкономическом обществе станет новый ограниченный ресурс, а два полярных класса со временем инкорпорируют в себя все сегодня существующие общественные группы. При этом уже теперь можно с достаточной уверенностью определить, что именно станет

важнейшим ресурсом нового общества: им окажется способность усваивать и создавать знания, обеспечивающие технологический прогресс общества и формирование новых социальных технологий. Постэкономическая революция является в полной мере революцией знаний, революцией, которая подготавливается, проявляется и воплощается в прогрессе теоретического и прикладного знания.

Таким образом, мы подошли к вопросу о том, в каком направлении прежде эволюционировало

социальное неравенство, какие принимало формы и масштабы и каковы его тенденции в условиях становления постэкономического общества.

В той же мере, в какой человек всегда стремился к преодолению угнетения и эксплуатации, он стремился и к установлению равенства. По сути дела, эти две цели нередко подразумевались как тождественные. Однако самые масштабные социальные и хозяйственные сдвиги, которые приводят к формированию основ постэкономического общества, не

способны, тем не менее, обеспечить преодоление отчуждения части произведенного продукта от непосредственного производителя. Мы отмечали в ряде публикаций, что человек способен преодолеть эксплуатацию в ее субъективном измерении, выходя за пределы материалистической мотивации и развивая собственные качества и способности, являющиеся неотчуждаемым его достоянием ⁸ . Однако субъективное преодоление эксплуатации вовсе не означает субъективного установления равенства. Уже сам выход за пределы материалистической мотивации

делает человека неравным с теми, кто сохраняет материальные стимулы в качестве основных ориентиров сознательной деятельности. Причем подобное неравенство имеет такой масштаб и такое значение, какого не имели различия в денежном богатстве или социальном статусе. Поэтому проблема неравенства не только не решается с преодолением эксплуатации, как это могло казаться многим социальным мыслителям в прошлом, но, напротив, становится исключительно острой и болезненной.

Идея преодоления неравенства оказалась столь значимым элементом всех социальных теорий потому, что в течение долгих веков оно считалось не только желанным, но и достижимым. При чем идея эта не была основана на одних только методологических или телеологических посылках.

В разные исторические периоды акцент делался на различных измерениях равенства. Одна из первых проповедей равенства содержится в священных книгах христианства, где неравенство

человека, обусловленное его
имущественным, классовым или
национальным происхождением,
рассматривалось как
несущественное по сравнению с
равенством всех людей,
придерживающихся нового
вероучения. Затем акцент был
перенесен на необходимость
достижения юридического равенства
как одно из условий идеального
общества; это характерно для
европейской философии со времен
раннего Средневековья и особенно
ярко представлено в трудах
теоретиков гуманистического
направления школы естественного

права. Позднее неоднократно отмечалась возможность достижения равенства интеллектуального: этот тезис базировался на весьма примитивных естественнонаучных воззрениях философов-просветителей, однако также имел широкий общественный резонанс. Наконец, идеологи коммунизма считали необходимой чертой совершенного общества установление имущественного равенства, попираемого в условиях буржуазного строя. Примечательна не столько сама эволюция идей равенства, сколько то, что каждая трактовка получала определенное

подтверждение своей
обоснованности и реалистичности.

Как бы это ни казалось парадоксальным, но экономическая эпоха представляет собой эпоху ослабления неравенства. Становление античного общества фактически устранило возможность безграничной власти монарха над своими подданными; средневековый строй отверг собственность человека на других людей; индустриальное общество провозгласило юридическую свободу личности. Кроме того, собственно имущественное неравенство также

серьезным образом сходило на нет. С каждым новым шагом прогресса оно снижалось, уже постольку, поскольку, с одной стороны, низшие слои общества улучшали свое материальное положение, отодвигавшее их от грани, за которой возникала угроза физическому выживанию, и, с другой стороны, между высшими и низшими классами возникали средние слои, усиливающие свою роль и значение. Даже если мы рассмотрим эволюцию неравенства на протяжении последних трехсот лет, то получим картину устойчивого снижения неравномерности

распределения материального богатства во всех развитых странах (возможно, лишь за исключением США, где индустриальное общество развивалось на собственной основе, а не возникло из недр феодальной структуры ⁹). В то же время (и это важно подчеркнуть) само становление индустриального общества вызвало резкое нарастание неравномерности распределения материальных благ между регионами мира; за период с 1750 по 1980 г. разрыв в благосостоянии индустриализованных и малоиндустриализованных наций, находившихся в середине XVIII в.

приблизительно на одном уровне развития, вырос минимум в 8 раз ¹⁰. Особенно же привлекает к себе внимание тот факт, что в самих развитых странах тенденция к постепенному снижению остроты проблемы имущественной дифференциации сменилась в последние десятилетия на противоположную; это стало особенно очевидным начиная с середины 70-х гг. Так, с 1973 по 1990 г. ВВП Соединенных Штатов вырос почти на 55%, но реальная заработная плата рабочих увеличилась чуть более чем на 10%, в то время как прибыль

коммерческих компаний подскочила в 2,5 раза ¹¹ . Похожие данные характеризуют ситуацию и в других постиндустриальных странах; так, в Германии, где с 1980 по 1990 г. ВВП вырос несколько более чем на 20%, реальная заработная плата в течение всего этого периода оставалась на прежнем уровне, а прибыль капитала увеличилась более чем вдвое ¹² .

VI. Рассматриваемые тенденции вполне объективны и знаменуют собой новое качество современного общества, в котором центральное место занимают знания и

информация. В современных условиях проблема неравенства оказывается весьма комплексной и включает в себя как чисто имущественный аспект, так и аспекты интеллектуальный и социальный, которые становятся, на наш взгляд, базой основного классового конфликта постэкономического общества - конфликта между классом людей, способных к продуцированию информации и знаний и обладающих наиболее важным и наиболее редким ресурсом, определяющим благосостояние общества, и низшим классом, объединяющим тех, кто по

тем или иным причинам не может войти в круг новой интеллектуальной элиты. Особый драматизм придают этой ситуации два фактора, на которые мы еще раз считаем нужным обратить внимание: во-первых, люди, принадлежащие к высшей и низшей стратам постэкономического общества, отличаются не только интеллектуальным потенциалом, но также и различными типами мотивации деятельности, различными типами разделяемых ими ценностей, а это гораздо сильнее подчеркивает масштабы формирующегося неравенства, чем

собственно имущественные
различия; во-вторых,
нематериалистически
мотивированные представители
высшего класса, создавая уникальные
и невоспроизводимые продукты,
получают в свое распоряжение
большую часть национального
достояния, чем собственники
финансового и промышленного
капитала в индустриальном
обществе.

Сегодня мы не знаем и не можем
знать, какими окажутся силы,
способные придать
постэкономическому обществу

необходимую ему стабильность и комплексность. Единственное, что уже сейчас можно утверждать со всей определенностью, - это то, что переход к этому постэкономическому состоянию представляет собой одну из наиболее нестабильных эпох развития цивилизации, и закрывать глаза на эту нарастающую нестабильность было бы непростительной ошибкой

Примечания к статье:

1 См.: Иноземцев В.Л.

Постэкономическая революция: теоретическая конструкция или историческая реальность? // Вестн. РАН. 1997. Т. 67. № 8; Иноземцев

- В.Л. Расколота цивилизация.
Наличествующие предпосылки и
возможные последствия
постэкономической революции. М.,
1999.
- 2 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.
39. С. 15.
- 3 См., напр.: Маркс К., Энгельс Ф.
Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 427.
- 4 Weber M. Economy and Society. L.,
1970. P. 183.
- 5 См., напр.: Sayer D. Capitalism and
Modernity. L.; N.Y., 1991. P. 101-102.
- 6 Baudrillard J. The Transparency of
Evil. L.; N.Y., 1996. P. 10.
- 7 Здесь и далее экономическая эпоха
рассматривается в соответствии с

методологическими принципами, изложенными в: Иноземцев В.Л. К теории постэкономической общественной формации. М., 1995; Иноземцев В.Л. Очерки истории экономической общественной формации. М., 1996; Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М., 1998.

8 См.: Иноземцев В.Л. Эксплуатация: объективная данность и феномен сознания. Размышления о перспективах социального прогресса // Коммунист. 1991. № 10; Иноземцев В.Л. Эксплуатация: феномен сознания и социальный конфликт // Свободная мысль. 1998. № 2.

- 9 Wright Mills C. The Power Elite. Oxford; N.Y., 1956. P. 12-13.
- 10 Heilbroner R. 21st Century Capitalism. N. Y.; L., 1993. P. 55.
- 11 Ayres R.U. Turning Point. An End to the Growth Paradigm. L., 1998. P. 119.
- 12 Weizsaecker E., von, Lovins A.B., Lovlins L.H. Factor Four: Doubling Wealth - Halving Resource Use. The New Report to the Club of Rome. L., 1997. P. 279.

БИБЛИОГРАФИЯ

Lash, S. Critique of Information, London, 2002

Бауман З, Индивидуализированное общество, М., 2002

Белл Д., Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования., М., 1999

Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А. Западная социология. СПб., 1997.

Иноземцев В.Л, Наука, личность и общество в постиндустриальной действительности // Российский химический журнал, №6, 1999

Иноземцев В.Л, Прошлое, настоящее и будущее классового общества: попытка нетрадиционной оценки // Вестник МГУ, №5, 2000

Иноземцев В.Л, Сегодня и завтра экономики, основанной на знаниях // Вестник РАН, №1, 2000

Иноземцев В.Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. М., 2003

Иноземцев В.Л Современное постиндустриальное общество. М., 2001

Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология под ред. В.Л. Иноземцева, М., 1999